

Дорогая Матильда,

молодой человек, с которым я столкнулся в Токио, отправляется со мной в небольшое путешествие. Он готов пройти со мной дорогой Басё как пилигрим, может, по пути он образумится. Йоса чрезвычайно чувствителен, заиклен на себе и бесконечно избалован, оттого-то я и полагаю, что ему пойдут на пользу скудное пропитание, долгие пешие переходы, красота японских пейзажей и традиции японской поэзии. Ведь это, в конце концов, не дело: речь идет о его же родной стране, а не о моей, а я-то лично, ты знаешь, не большой любитель разглядывать растения, волны и горы на чужих континентах. Но на сей раз не вижу другого выхода, не могу оставить этого юношу одного в его состоянии. Он вынудил меня уступить: по дороге мы будем посещать места и по его выбору. Среди прочего — лес самоубийств Аокигахара и вулкан Михара на острове Идзуосима,

в кратер которого бросаются те, кто устал от жизни и хочет особенно эффектно покончить с собой. К сожалению, эти места находятся в стороне от маршрута Басё, совсем даже в противоположном направлении, впрочем, недалеко от Токио, что свидетельствует не только о том, что суицидная мода здесь не меняется веками, но и том, что для сведения счетов с жизнью здесь приспособили уже традиционные маршруты для пикников. Как бы то ни было, чтобы не делать крюк, мы начнем наше путешествие с желанных ему мест, а потом поедem на север.

Они выехали из Токио на поезде, потом пересели на автобус, и Гильберт сердился, что они практически двигаются в обратном направлении. Вместо севера они ехали на юг, в сторону Фудзи. Лес, который был так необходим Йосе, находился у ее подножия. Йоса вез свое имущество в спортивной сумке, Гильберт взял с собой только портфель. Чемодан он оставил в камере хранения в гостинице — зачем пилигриму чемодан, только обуза. В портфеле у него лежали несессер и смена белья, перьевая ручка, чернила, записная книжка, а также зонтик и на всякий случай набор пластиковых столовых приборов из самолета. В автобусе портфель бесформенно возлежал у него на коленях.

Басё, отправляясь в путь, жаловался на изрядный багаж: плащ от дождя, увесистый набор для

письма и рисования, но более всего его тяготили прощальные подарки от друзей — совсем не запланированные, но вернуть их было никак нельзя, и из вежливости пришлось тащить их с собой.

Багаж Гильберта, в принципе, состоял из того же, что и у Басё, исключая только теплую одежду для ночных холодов, поскольку Гильберт предполагал, что они все-таки не будут ночевать под открытым небом. Не взял он с собой и кимоно для купания, потому что купаться на общественных пляжах не будет случая, времени, да и не было большой охоты, и прощальных подарков тоже не было — никто им на прощание ничего не поднес.

Никто и не попрощался. Уехали и уехали, никому нет дела, занесло человека на край света — пусть делает там что угодно. Там, в Германии, вообще понимают ли разницу между Токио и областью? Разницу между главными островами Японского архипелага и скоплением крошечных островков, разбросанных по отдаленным бухтам этих главных островов, разницу между целым и частицами? Если смотреть из Германии, то сложно назвать поездку из Токио в регион путешествием, все равно что никуда и не передвигался. Это маленькое путешествие внутри большого — с немецкой точки зрения, весьма сомнительного.

Йоса уступил ему место у окна, но любоваться было не на что. Краем глаза Гильберт подмечал,

как Йоса рядом с ним поглощал немислимое количество еды, бог весть откуда взявшейся. Завернутые в фольгу треугольные пирожки с разной начинкой, которую Йоса всякий раз объявлял, прежде чем съесть: маринованная слива, тунец, некий золотой гриб, говядина, шпинат. Йоса что, так и не понял, что они пилигримы и им положено терпеть в пути лишения и тяготы? Или он перед смертью наедается? Наконец, Гильберту надоело, и он согласился съесть черный, как ночь, треугольный пирожок с крабом в майонезе.

Глушь. Леса тянулись вдоль дороги и по горам, бело-серые кроны, кучевые облака над ними. Над многополосным шоссе, над горами, над бесконечными рисовыми полями парили белые нагромождения, нетронутые, недоступные, недосыгаемые, проплывал последний естественный пейзаж из водяного пара, тумана и льда, непролазный, удаленный, обрывистый, скупой и зачарованный. Слоисто-кучевые облака, размазанные лобовым стеклом междугородного автобуса, они плыли дальше, распространяя непокой, тоску и тягу к дальним странствиям.

Гильберт обрадовался, когда наконец они вышли из автобуса. Тот уехал дальше, а они вдвоем остались стоять на обочине, приходя в себя: их слегка укачало от езды и клонило в сон. Йоса, следуя своему плану, первым тронулся в путь к намеченной цели, и Гильберту ничего не оставалось, как пойти за ним.

Они покинули селение, где остановился автобус, и пошли по проселочной дороге. Должно быть, они находились теперь у подножия Фудзи, однако подножие Фудзи, очевидно, велико, и саму гору отсюда не видно. Гильберт не имел никакого представления, отчего не видно гору: оттого ли, что они уже находятся на ее склоне и никакого панорамного вида быть не может, или же оттого, что гора до самого своего снежного кратера скрыта облаками. Вокруг же был один лес, сам серый и на фоне серого неба, сплошное ничто из ожиданий и монотонности.

Йоса повернул в переулок, Гильберт — за ним. Однако это даже забавно: они похожи на маленький караван, подумалось Гильберту. Гуськом, друг за другом, держат путь через ничто. Первым — предводитель с путеводителем, следом — верблюд с поклажей. Кожаный портфель оттягивал руки, приходилось переключать его под мышку то с одной стороны, то с другой. Нейлоновый рюкзак, конечно, был бы удобнее. Эстетикой в определенный момент можно и пренебречь. А идти еще было далеко. Гильберт, закусив губу, плелся за Йосой и пытался сам себя вдохновить. Невзрачный переулок вел к парковке у леса. Огромная парковка посреди этого захолустья, этой глуши, была густо уставлена машинами. Брошенные автомобили, которыми давно никто не пользовался, ржавели, покрывались палой листвой — она застревала под дворниками на лобовом стекле, — колеса

зарастали мхом, на сиденьях валялись сплюснутые пустые пластиковые бутылки — как будто только что опорожненные — и раскрытые дорожные атласы и карты.

Автовладельцы вышли здесь и не вернулись, сообщил Йоса тоном всезнающего экскурсовода, как будто он сам — один из этих не вернувшихся, как будто речь шла о совершении подвига, который недоступен посредственностям вроде Гильберта, ибо посредственностям вроде Гильберта неведом высший смысл, заключенный в этом деянии — вот так вот бросить в глуши свою машину, вслед за ней отправиться в ничто и самому обойтись с этим миром так же, как с мусоропроводом, куда сваливают все отходы, телесно и духовно накопленные и произведенные в течение жизни.

Гильберт в раздражении вступил в лес, его злила необходимость следовать указаниям бумажного авторитета — суицидного справочника, который повел их теперь скучной пешеходной тропой, а потом и вовсе в сторону.

Черный лес захватил их, поглотил, со вздохом обступал все теснее. В этом лесу уже не от кого убежать. Огромная густая масса листвы окутала их сыростью, окружила шепотом, дыханием и шепотом, зловещим затхлым духом.

Они встретили множество запрещающих знаков. Йоса остановился у первой из табличек и перевел для Гильберта наставления, чтобы Гильберт осознал, что им предстоит: не сходить с обозначенных

дорожек, иначе из этого леса не выбраться. Если же вы пришли сюда именно с подобным намерением, то еще раз вспомните, сколько всего для вас сделали ваши родители. Не надо огорчать родителей. Да и вообще общество имеет право на вас как на трудоспособную молодую силу, и для тех, кто в своем отчаянии дошел все-таки до сего места, вот номер горячей линии доверия.

Через дорожку, которая рядом с этой табличкой уходила в сторону, была натянута тонкая веревка, очевидно, намекающая, что путь закрыт. Йоса приподнял этот указатель, пригнулся и прошел под веревкой, Гильберт сделал то же, движимый внезапным упрямым протестом: будут мне тут еще какие-то вяло натянутые бечевки указывать! Хватит его запугивать всякими глупостями, плевал он на веревочные ограждения, слишком много в его жизни предписаний, он их не принимает, а для прогулки по лесу ему уж точно не нужны никакой контроль или опека. Он обогнал Йосу и сердито зашагал по тропе через необозримое запретное пространство.

В сущности, это был обычный лес. Однако очень уж густой и заросший, заполненный корявыми корнями деревьев. Гильберт размахивал портфелем в такт своих шагов. Здесь, конечно, ничего не стоит заплутать, утратить всякий ориентир, здесь же все одинаковое, все стволы поросли мхом, одни и те же ветки и листва, лес как лес, как любой другой, разве что более сырой,

темный, чуть пострашнее тех лесов, какие видел Гильберт. Но в цивилизованной, густонаселенной стране потеряться в лесу, зайти в лес и не найти обратной дороги — для этого нужно быть каким-то совсем уж беспомощным.

Гильберт быстро шагал по тропе, подгоняемый своей странной злостью, а тропа между тем все сужалась и, наконец, вовсе пропала между двух корявых стволов. Он сел на трухлявое бревно и взял книгу у запыхавшегося Йосы.

Справочник представлял план местности с горными хижинами, природными памятниками и панорамными точками. Согласно этому плану, они теперь находились в труднодоступной точке местности и ближайшая хижина бог знает где. Видимо, они у цели. Гильберту никакой охоты не было просить Йосу растолковать ему текст путеводителя, хватит и иллюстраций. Гильберт пролистнул страницу назад.

Ошибки при попытке повеситься. Слишком тонкая веревка рвется, если не соответствует весу тела. Слишком маленькое расстояние до земли. Нестабильное крепление веревки. Неправильно завязанные узлы. Смешные фигурки нарисованных человечков с петлей на шее: они сидели, расстроенные, у перил лестницы, или возле печной трубы, или на земле, рядом со сломанной веткой. Пособие для полных болванов, для абсолютных лузеров, которым в жизни вообще никогда ничего не удавалось.